

«НОВЫЙ» РЕСКРИПТ ЗИЕЛА ВИФИНСКОГО

Статья посвящена анализу обнаруженной на острове Кос копии царского рескрипта (SEG XII. 370 = Rigsby 1996, № 12 = IG XII. 4, 213), в котором его автор предоставляет празднествам в честь Асклепия право неприкосновенности (*асилию*)¹. Сопоставление содержащихся в надписи данных с другими материалами из архива храма Асклепия позволяет прийти к выводу, что автором письма был царь Вифинии Зиел, а также прояснить основные моменты истории первой половины его правления (255–242 гг. до н.э.).

Ключевые слова: Кос, храм Асклепия, асилия, συγγένεια, Зиел, Вифиния, Антиох II Теос, II Сирийская война.

В 242 г. до н.э. жители острова Кос, заручившись поддержкой дельфийского оракула, провели реорганизацию устраивавшихся ими празднеств в честь Асклепия, превратив их из местных в общеэллинские. В связи с этим граждане Коса отправили к эллинистическим монархам и в греческие города послов-феоров, которые должны были передать адресатам приглашение на праздник и одновременно обратиться к ним с просьбой предоставить ему право неприкосновенности (*асилию*). Копии привезенных послами городских постановлений и царских рескриптов были впоследствии выставлены в храме Асклепия, составив значительную часть архива святилища. В настоящее время в непрерывно растущем корпусе этих надписей насчитывается семь царских писем, причем в шести из них не сохранились имена тех правителей, от имени которых соответствующие рескрипты были составлены, что, разумеется, создает массу проблем при их интерпретации.

Именно одно из таких царских посланий, опубликованное еще в 1952 г.², и является предметом настоящего исследования. Имя автора документа, как и все начало письма, до нас не дошло, поэтому документ обычно фигурирует в историографии как «письмо неизвестного царя».

η [—————]
 τω[—————]
 δημ[—————]
 προσδ[—————]
 5 τι ἐν ἧμ[—————]
 . αντων[—————]
 . ε ἀκολούθ[ως αἱς εἶχον ἐντολαῖς τὴν ἐπαγ]–

Балахванцев Арчил Савелич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН.

¹ Автор считает своим долгом выразить глубокую благодарность О.Л. Габелко (Казань) и Ч. Краузеру (Оксфорд) за помощь в ознакомлении с публикациями, отсутствующими в российских библиотеках. Ссылки на еще не вышедшей из типографии том «Греческих надписей» стали возможны благодаря любезности К. Халлофа (Берлин).

² SEG XII. 370 = Rigsby 1996, № 12 = IG XII. 4, 213.

γελίαν ἐποιή[σαντο τῆς τε θυσίας καὶ τῶν ἀγῶ]-
 νῶν τῇ διδασ[καλίαι χρώμενοι οὕτω καλῶς ὥστε]
 10 θαυμαζειν ἐπῆει [ἡμεῖν—————]
 ἀφ' οὗ τῆς βασιλείας[ς—————]
 .ίαν περὶ τούτων ὕσ[—————]σ]-
 θε τηλικούτων καὶ το[ιούτων φιλανθρώπων προ]-
 ὑπαρχόντων ἡμεῖν πρὸς [ὑμᾶς· ὄντων δ' οὐκ ὀλίγων]
 15 τούτοις ἐμποδίων, εἰ κα[ὶ οἱ θεωροὶ τοῦτο ἡμεῖν]
 μέμψασ[α]θαι ἐφάνη[σα]ν, πα[ρακαλοῦμεν ὅμως ὑμᾶς]
 τοῖς καιροῖς ἴσως ἐπακ[ολ]ουθή[σαντας κρίναι ἡ]-
 μεῖν συγγνώμην ἐκτέον, ὅταν [συντελείας ἐγνώ]-
 κότες μὴ δυνώμεθα τὰς τούτω[ν ἀγώνων νῦν]
 20 θεωρεῖν· ἐγὼ δὲ καὶ ἀδελφ[ή] μ[ου Λισάνδρα υἱός τε]
 καὶ οἱ ἡμέτεροι πολῖται τήν τε παρ' [ὑμῶν ἐπαγγε-]
 <λ>ίαν γινομένην τῷ θεῷ καὶ τὴν ἀ[συλία]ν δεχ[ό]-
 μεθα καὶ τὴν συγγένειαν οὖσαν ἀλ[η]θινὴν καὶ [ὑ]-
 μῶν τε ἀξίαν καὶ ἡμῶν ἡδέως προσ[δε]δέγμεθα,
 25 μαρτυρίας μεγίστης τῆς παρὰ το[ῦ ἡμ]ετέρου
 πατρὸς προσγεγενημένης ἣν ἀπ[—————]ατε
 αὐτοῦ ἐκεῖνου ποιησαμένου· εἰ [δὲ καὶ τῶν λοιπῶν]
 τινες Ἑλλήνων ἀρχὴν φιλί[ας ποιοῦμενοι ταύτην]
 πρῶτον προσηγόρευον ἡμ[ᾶς συγγενεῖς, εὐ]λόγως
 30 ἂν προσελαμβάνομεν τ[ούτους, τοιαύτη]ς φιλαν-
 θρωπίας ἡμεῖν προὑπαρχ[ούσης πρό]ς γε τοὺς το[ι]-
 αύτην συγγένειαν καὶ [τη]λικ[αύτην ἀ]ναγκασιότητα
 ἀναμνησκον[τα]ς κα[ὶ] ταύτ[ην δι]αφυλάττειν προ-
 αιρουμένους π[ολ]υλαπλασίως· κ[αὶ νῦν] τὴν εὐνοίαν ἀπ[ο]-
 35 δεδέγμεθα [κα]ὶ τὰ μετ[ὰ] ταῦτα [π]ε[ι]ρασόμεθα δια-
 [τ]ηροῦντε[ς τὰ ἐ]κ [π]αλαιῶν μὲν χρ[ό]ν[ω]ν συνεστη-
 [κότ]α, ν[ῦν δὲ καλ]ῶς καὶ προσηκόντως εἰς τὴν βελ-
 [τίστην ἀνανέ]ωσιν ἡγμένα ὑφ' ὑμ[ῶν], εὖνοι φίλο[ι],
 [φιλάνθρωπα τῷ] δῆμῳ ὑπάρχ[ειν καὶ ὑπ]ακούοντε[ς]
 40 [τὰ ἀξιό]μενα ἀεὶ χαρίζεσθαι εἰς δύναμιν]. ἔρρωσθ[ε]³

Перевод: «...В соответствии (с указаниями, которые у них были), возвестили (о жертвоприношениях и) состязаниях наглядно (показав... так прекрасно, что) удивление охватило (нас...) с тех пор когда... царства... об этих... столь многочисленных и давнишних (благодеяний), оказанных нами (вам. Но так как имеются немалые) для того препятствия, хотя (феоры это нам) и поставили явно в упрек, (мы все же просим, чтобы вы), правильно оценив эти тяжелые обстоятельства, оказали нам надлежащее снисхождение, когда мы, (узнав о торжествах), не имеем возможности отправить феоров на эти (нынешние состязания). Сам же я и сестра моя (Лисандра, как и сын), и сограждане наши принимаем доставленное от (вас) приглашение к богу, как и асилию, а также согласны, что наше подлинное родство и вас достойно, и нам приятно, важнейшее доказательство чему воспоследовало

³ Надпись воспроизводится по изданию: Rigsby 1996, 121–122 с учетом поправок Ю.Г. Виноградова (Толстиков, Виноградов 1999, 294); восстановление имени в 20-й строке принадлежит автору статьи.

от нашего отца... как обнаруженное им самим. Если бы некоторые (из остальных) эллинов, (положив такое) начало дружбе, первыми назвали бы нас (родственниками), то мы, как и следует, приняли бы их, поскольку у нас издавна существует благосклонность по отношению к тем людям, которые помнят о таком родстве и столь большой кровной близости и всячески стремятся их сохранить. И (ныне) мы приняли этот дар, и в будущем будем пытаться, не прекращая, выказывать народу <вашему> (благосклонность), возникшую с давних времен, а (ныне прекрасно) и подобающе к (наилучшему) возобновлению вами, о, верные друзья, приведенную, и, откликаясь на <ваши> (просьбы, всегда) угождать <вам> (насколько возможно). Будьте здоровы»⁴.

Исходя из плохо сохранившегося текста письма, о правителе – его авторе – можно извлечь следующую информацию. Во-первых, некие благодеяния косцам им уже были оказаны прежде, что свидетельствует о наличии более ранних контактов. Во-вторых, в 242 г. до н.э. этот царь испытывал какие-то серьезные трудности, из-за которых он не мог отправить священное посольство на предстоящее празднество. В-третьих, сестра царя должна пониматься здесь как его сестра-супруга, чему существует целый ряд аналогий⁵. В-четвертых, автор письма говорит о своих «согражданах», под которыми, очевидно, подразумеваются жители столицы. В-пятых, составитель рескрипта уделяет большое внимание «родству» с косцами, которое доказал его отец.

Очевидно, что при попытке установить личность отправителя письма необходимо максимально полно учитывать *все вышеперечисленные факты в комплексе*, чего, надо признать, до сих пор исследователями памятника сделано не было.

Обратимся к существующим на сегодня точкам зрения. Так как отправитель говорил от лица «наших граждан», а на оборотной стороне той же стелы был высечен декрет Гелы, то первоиздатель надписи Р. Херцог посчитал, что этот рескрипт принадлежит Гиерону II Сиракузскому, а Г. Клаффенбах, по его собственному признанию, рискнул предположить, что отправителем письма был сын Гиерона Гелон⁶. Ч.Б. Уэллс не исключал того, что автором документа мог быть царь Кирены Деметрий Красивый⁷. Новое направление дискуссии придал Л. Робер, указавший на важность для царя родства с Косом и с некоторыми эллинами, что должно свидетельствовать о варварском происхождении отправителя. Все это позволило Л. Роберу задать риторический вопрос: «Можно ли себе представить Гиерона или Гелона, ищущих доказательств для подтверждения их родства с греками? Принимая во внимание, что царь, автор этого письма, говорит о οἱ ἡμέτεροι πολῖται, что предполагает некий город, находившийся в определенных отношениях с царем (ни

⁴ Перевод надписи был выполнен А.С. Балахванцевым и О.Л. Габелко в процессе подготовки совместной статьи, посвященной анализу данного памятника. Но в связи с тем, что соавторы пришли к диаметрально противоположным выводам об авторе рескрипта, было принято общее решение: каждый публикует свое исследование отдельно.

⁵ Welles 1953, 398; Rigsby 1996, 124. Так, в частности, именуется супруга Птолемея II Арсиноя II (Jos. AJ. XII. 2. 6; Paus. I. 7. 1, 3; 8. 5), супруга Антиоха III Лаодика (RC 36), а также одна из цариц династии Птолемеев (RC 21 = Rigsby 1996, № 13). Судя по тому, что выполнивший последнюю надпись косский резчик работал в конце III в. до н.э., речь может идти о супруге Птолемея IV Арсиное III (Crowther 2004, 28).

⁶ Herzog, Klaffenbach 1952, 9–10, 30. См. также Rizzo 1973, 15–20.

⁷ Welles 1953, 398. Эту версию сразу же можно исключить по хронологическим соображениям: в 242 г. до н.э. Деметрия давно уже не было в живых, а Кирена перешла в руки Лагидов (Just. XXVI. 3. 2–8).

один Лагид, Селевкид, Атталид не говорил о «наших согражданах»), мы считаем, что речь должна идти о царе Боспора Киммерийского»⁸. Точка зрения Л. Робера получила широкое распространение⁹ и была, в частности, воспринята выдающимся российским эпиграфистом Ю.Г. Виноградовым, использовавшим данные рескрипта для реконструкции политической истории Боспора во второй половине III в. до н.э.¹⁰

Однако при ближайшем рассмотрении данная атрибуция выглядит ничуть не более убедительной, чем «сиракузская» гипотеза Херцога–Клаффенбаха. Ее сторонникам вполне справедливо переадресовать вопрос, который задавал сам Л. Робер: «Можно ли представить себе какого-нибудь Спартокида III в. до н.э., ищущего доказательств для подтверждения своего родства с греками?». Ведь значение имеет вовсе не то, кем – греком¹¹, фракийцем¹², синдом¹³ или скифом¹⁴ – был основатель династии Спарток, а то, кем – эллинами или варварами – считали правителей Боспора в IV–III вв. до н.э. сами греки¹⁵. Показания источников на этот счет хотя и не многочисленны, но вполне однозначны. Так, аркадяне, принявшие ок. 370 г. до н.э. почетный декрет в честь Левкона I, именуют его просто пантикапейцем (КБН 37). Интересно, что на рельефе, увенчивающим плиту с афинским декретом в честь сыновей Левкона I – Спартока II, Перисада I и Аполлония, последние имеют совершенно греческий внешний облик: они облачены в типичные эллинские плащи-гиматии, оставляющие грудь и правое плечо открытыми¹⁶. Демосфен, перечисляя лиц, получивших свободу от уплаты налогов за свои заслуги перед Афинским государством, никак не выделяет того же Левкона из числа других награжденных ателией иностранцев: Эпикерда из Кирены, коринфских изгнанников, граждан Фасоса, византийцев Архебия и Гераклида (*Dem.* XX. 30, 41, 52, 59, 60, 67), чье эллиństwo не вызывает никаких сомнений. Характерно, что и враги Демосфена, вменяя ему в вину постановку статуй Перисаду I, Сатиру II и Горгиппу, упрекали великого оратора не в том, что он заискивает перед варварами, а в том,

⁸ Rober J. et L. 1953, 157.

⁹ Seyrig 1963, 8–9, n. 4; Sherwin-White 1978, 112–113, n. 153; Curty 1995, 48; Rigsby 1996, 123; Hallof L. u. K., Habicht 1998, 108; Lücke 2000, 133. Следует, впрочем, отметить, что боспорская атрибуция практически во всех случаях сопровождается вопросительным знаком. Недавно К. Бураселис (Buraselis 2004, 15) попытался выдвинуть альтернативу боспорской гипотезе, предположив, что рескрипт принадлежит царю из внутренних районов Малой Азии.

¹⁰ Толстиков, Виноградов 1999, 294–296.

¹¹ Блаватская 1959, 26; Блаватский 1976, 56.

¹² Гайдукевич 1949, 56; Виноградов 1983, 418; Молев 1999, 30, прим. 2.

¹³ Артамонов 1949, 37; Каллистов 1952, 114–115.

¹⁴ Яйленко 1995, 239–253. Ранее Яйленко (1990, 286) считал Спартокидов «скифской и, точнее, фрако-иранской по происхождению династией». Не входя в подробное рассмотрение этой весьма экстравагантной гипотезы, отметим лишь некорректность ссылки (Яйленко 1990, 290, прим. 120; 1995, 246) на «кровосмесительные» браки среди Спартокидов как на доказательство их негреческого, скифо-иранского происхождения. В Греции V–IV вв. до н.э. даже женитьба дяди на племяннице (*Dem.* XLIV. 10; LIX. 2, 22), а также браки между единокровными братьями и сестрами (*Dem.* LVII. 20; *Plut.* Cim. 4, Them. 32), не говоря уже о двоюродных (*And.* I. 117–120; *Plut.* Them. 32), были в порядке вещей.

¹⁵ Ср. с высказанным относительно недавно совершенно справедливым замечанием: «Впрочем, не может не вызвать недоумение и необходимость боспоритов доказывать свое родство с эллинами» (Завойкин 2001, 164, прим. 50).

¹⁶ Гайдукевич 1949, 68, рис. 5.

что прислужничает тиранам (Dinarch. III. 43). Точно так же и оратор Эсхин, сообщая о компрометирующих деда Демосфена, Гилона, фактах, отдельно отмечал его службу боспорским тиранам и отдельно – женитьбу на женщине скифского рода (Aeschin. III. 171). Таким образом, у нас нет никаких оснований полагать, будто в глазах эллинов правители Боспора выглядели варварами, и, следовательно, от версии о составлении письма в Пантикапее приходится отказаться.

Но кто же тогда был автором рескрипта? Обратимся к анализу самой, пожалуй, многообещающей в плане установления авторства упоминавшейся выше клаузулы о «родстве»¹⁷ с косцами. Анализируя данное заявление, необходимо прежде всего определить, о *чем*, собственно, родстве идет речь. Ведь хотя все комментаторы¹⁸ единодушно понимают это место как свидетельство существования родственных связей между царем и косцами, тем не менее, повторим, что в тексте рескрипта сказано буквально следующее: «Сам же я и сестра моя... и сограждане наши... согласны, что наше подлинное родство и вас достойно, и нам приятно...». Таким образом, «родство», о котором первыми упомянули сами косцы, могло связывать с последними как самого автора письма, так и его граждан, в связи с чем необходимо рассмотреть обе возможности¹⁹.

Говоря о «родстве», связывавшем различных мифологических и исторических личностей с городами и племенами Эллады, следует заметить, что оно во всех случаях легендарно и уходит корнями в седую древность. Так, родство минийцев из Орхомена и сыновей царя Аттики Кодра (Paus. VII. 2. 4) основывалось на том, что последние были потомками пилосского царя Нелея, женившегося на уроженке минийского Орхомена Хлориде (Paus. IX. 36. 8). Царь кипрского Саламина Эвагор считал себя афинянином, поскольку возводил свою родословную к Тевкру – выходцу с острова Саламин (Isocr. IX. 18; Paus. I. 3. 2), бывшего, по мнению афинян, их исконным владением (Strabo. IX. 1. 10). Александр Македонский считал себя родственником илионцев, так как по матери принадлежал к Эакидам, за представителя рода которых – Пирра – вышла замуж Андромаха (Paus. I. 11. 2), вдова Гектора (Strabo. XIII. 1. 27). На родство с илионцами претендовал и Юлий Цезарь, возводивший свой род к Юлу, сыну троянского героя Энея (ibid.). Претензии царей атаманов – принадлежность которых к грекам вызывала сомнение (Strabo. X. 1. 16) – на родство с теосцами и эллинами в целом²⁰ объяснялись тем, что их эпоним Атаман был потомком Эллина и основателем Теоса (Strabo. XIV. 1. 3)²¹. Дорийцы из Китениона считали Птолемея IV своим родственником, так как он якобы принадлежал к династии Аргеадов, ведущих свое происхождение от Геракла (SEG XXXVIII. 1476, 40–42). При этом необходимо отметить, что для эпохи IV–III вв. до н.э. еще не известны примеры, когда старинный и достаточно крупный полис

¹⁷ Трактовке понятия συγγένεια кроме уже упоминавшихся выше монографий (Curty 1995; Lücke 2000) посвящена острополемичная статья О. Курти (Curty 2005), направленная против выводов его немецкого коллеги. Мы склонны поддержать мнение французского исследователя, согласно которому συγγένεια следует рассматривать как родство по крови (Curty 2005, 106).

¹⁸ Rober J. et L. 1953, 157; Curty 1995, 48; Rigsby 1996, 124; Толстиков, Виноградов 1999, 294.

¹⁹ Как ни странно, О. Курти (1995, 51–52) фактически отказался от исследования этого вопроса, ограничившись лишь замечанием, что данное родство отличается от того, которое появляется в других надписях косского архива.

²⁰ Rigsby 1996, № 135.

²¹ См. также Rigsby 1996, 297.

набивался бы в родственники к царю-варвару; более распространенной была как раз обратная ситуация: на родство с эллинскими полисами, как мы видим, притязали те цари, эллиньство которых вызывало серьезные сомнения. Поэтому вариант «прямого» родства по линии «косцы–неизвестный царь» представляется нам маловероятным.

Напротив, гораздо более продуктивным выглядит анализ понятия συγγένεια в контексте межполисных отношений. Данные нарративных и эпиграфических источников свидетельствуют, что оно очень часто основывалась на восходящих к легендарным временам родственных связях между эпонимными героями и даже богами различных племен и полисов. Например, жители Мессены считали себя родственниками косцев²², так как были убеждены, что являются земляками Асклепия (Paus. II. 26. 7; IV. 3. 2). Теней в Коринфской области и Тенедос находились в родстве через Тенна, сына Кикна (Strabo. VIII. 6. 22). Уже упоминавшиеся жители Китениона в Дориде, обращаясь за помощью к гражданам ликийского Ксанфа – центра почитания Латоны, Аполлона и Артемиды, обосновывали свою просьбу ссылкой на то, что Аполлон был женат на происходящей от Дора Корониде и что Дорида – родина сына Аполлона Асклепия (SEG XXXVIII. 1476, 17–20). Самы на о-ве Кефалления возводили свое родство с жителями Магнесии-на-Меандре²³ к преданию, согласно которому эпоним острова Кефал был племянником Магнета (Apollod. I. 7. 3; Strabo. X. 2. 14). Многочисленные упоминания о родстве различных критских городов²⁴ с Теосом объясняются, на наш взгляд, тем, что наиболее почитаемый теосцами бог, Дионис, по одной из версий мифа, взял в жены критскую царевну Ариадну (Apollod. Epit. 1. 9; Plut. Tes. 20; Paus. I. 3. 1). Жители карийской Алабанды претендовали на родство с эллинами²⁵, так как, возможно, считали основателя своего родного города Кара тем же героем, который основал и Мегары²⁶.

Термин συγγένεια употреблялся также для обозначения родства как отдельных людей (Isocr. IX. 18), так и всех эллинов (Isocr. IV. 43; Dem. XVIII. 186), а также людей и богов (RC 26, 6). Очень часто его использовали при указании на связь метрополии и колонии: Лакедемона и критского Ликта (Arist. Pol. 1271b. 27), Коринфа и Сиракуз (Plut. Tim. 2. 2), парнасских дорийцев и Лакедемона (Diod. XI. 79. 5), трахинян и Лакедемона (Diod. XII. 59. 4), Лакедемона и Тарента (Diod. XVI. 62. 4), Магнесии-на-Меандре и Антиохий в Персиде и Писидии²⁷. Очевидно, что и заявление жителей расположенного в Троаде Лампсака о родстве с римлянами (Syll.3 591, 25) основывалось на том, что последние были потомками выходцев из Трои.

Столь же часто термин συγγένεια применялся и для обозначения единой племенной принадлежности. Так, родственные связи Ясона и Ахилла объяснялись их общим фессалийским происхождением (Strabo. I. 2. 38). Страбон утверждал, что этолийцы и эпей находились в родстве (VIII. 3. 30), на основании того, что считал их эолийцами (VIII. 1. 2). Жители Леонтин, потомки халкидских переселенцев с Эвбеи, просили Афины о помощи, ссылаясь на родство (Diod. XII. 83. 3): и те, и другие были ионянами. Точно так же Тарент обращался за помощью к Сиракузам по причине родства (Diod. XIX. 70. 8), что в данном случае означало их общую принадлежность к дорийцам. Общая дорийская принадлежность лежит и в основе

²² Rigsby 1996, № 15.

²³ Rigsby 1996, № 85.

²⁴ Rigsby 1996, № 139–142, 145, 148–152, 154–157, 159–161.

²⁵ Rigsby 1996, № 163.

²⁶ Rigsby 1996, 329, n. 14.

²⁷ Rigsby 1996, № 111, 125.

родства Мессены и Коса²⁸. Родство Мегалополя и Магнесии-на-Меандре²⁹ можно объяснить тем, что, по мнению Страбона, жители первого, как и все аркадяне, говорили на эолийском наречии (Strabo. VIII. 1. 2, 7. 3), а Магнесия была эолийским городом (Strabo. XIV. 1. 39).

Следует также подчеркнуть, что, как правило, каждое упоминание о συγγένεια имело под собой несколько оснований. Так, родство Магнесии-на-Меандре и Митилены проистекало из их общей эолийской принадлежности, но при этом сами митиленцы считали себя родственниками магнесийцев³⁰ на основании того, что Макар, основатель Митилены, был братом Магнета (Hom. Hymn. Ap. 37; Apollod. I. 7. 3). Родство дорийских Коса и Книда³¹ подкреплялось тем, что один из сыновей Аргоса Форб стал основателем Книда³², а другой – Эпидавр – эпонимным героем метрополии косцев (Herod. VII. 99; Paus. II. 26. 2). Родство жителей Коса с фессалийскими полисами Гонны и Гомолий³³, а также с уроженцем фессалийской Ларисы врачом Атенагором³⁴ объясняется как ранней фессалийской колонизацией Коса, так и переносом культа Асклепия на Кос из Фессалии³⁵. Наконец, совершенно очевидно, что родство колонии и метрополии означало также и их принадлежность к одной племенной группе. Здесь, кроме уже упомянутых фактов, мы можем еще раз сослаться и на материалы самого косского архива, в которых говорится о родстве двух сицилийских полисов – Камарины³⁶ и Гелы³⁷ – с косцами. Это родство можно объяснить двумя причинами: общим дорийским происхождением и тем, что ок. 337 г. до н.э. при Тимолеонте они приняли к себе колонистов с Коса³⁸.

Какой же вывод можно сделать из проанализированного материала? Ввиду того, что ни о каких других колонизационных предприятиях Коса – кроме выведения в Апулию совместно с родосцами колонии Эльпии (Strabo. XIV. 2. 10) и выселения части жителей вместе с бывшим тираном Кадмом в Сицилию (Herod. VII. 164) – нам абсолютно ничего не известно³⁹, напрашивается вполне обоснованное предположение, что под упоминавшейся в тексте рескрипта ссылкой косских феоров на родство подразумевалось, как минимум, *общее дорийское происхождение* двух гражданских общин. Родство же автора рескрипта с косцами, очевидно, носило не прямой, а опосредованный характер, являясь следствием принадлежности правителя к гражданскому коллективу столицы его державы. Этот вывод, вкупе с другой содержащейся в письме информацией, *позволяет считать наиболее подходящей кандидатурой на роль автора рескрипта царя Вифинии Зиела*. Рассмотрим по порядку все аргументы в пользу такого весьма неожиданного – на первый взгляд – предположения.

Во-первых, варварское происхождение Зиела не вызывает никаких сомнений. Во-вторых, связи с жителями Коса установил уже его отец Никомед I⁴⁰. Возмож-

²⁸ Rigsby 1996, № 15.

²⁹ Rigsby 1996, № 88.

³⁰ Rigsby 1996, № 101.

³¹ Curty 1995, 52. № 25.

³² Curty 1995, 53.

³³ Bosnakis, Hallof 2003, 229–230, № 14A, 4, 14, 23.

³⁴ Hallof L. u. K., Habicht 1998, 105. № 6, 6.

³⁵ Sherwin-White 1978, 17, 47–49, 335; Hallof L. u. K., Habicht 1998, 108.

³⁶ SEG XII. 379 = Rigsby 1996, № 48.

³⁷ SEG XII. 380 = Rigsby 1996, № 49.

³⁸ Rigsby 1996, 148; Curty 1995, 51.

³⁹ См. Sherwin-White 1978, 31–33.

⁴⁰ Syll.³ 456 = RC 25 = Rigsby 1996, № 11 = IG XII. 4, 209, 9–11, 17–19.

но, что возникновению этих отношений способствовало то, что в 315 г. до н.э. приближенный Антигона Одноглазого и Деметрия Полиоркета уроженец Коса Никомед, сын Аристандра, оказал какие-то услуги отцу Никомеда Зипойту при подписании последним договора с Антигоном. Видимо, Зипойт настолько высоко оценил помощь со стороны Никомеда, что назвал в его честь своего старшего сына и будущего царя Вифинии⁴¹.

В-третьих, хотя нам ничего не известно о личности жены Зиела, ничто не мешает предположить, что таковой могла стать его родная сестра Лисандра (Arr. Bithyn. F 63 Roos). В пользу этого предположения можно привести следующие факты. Известно, что одноименный сын Прусия II носил прозвище «Однозубый»⁴². Появлению такого прозвища он был обязан довольно редкой стоматологической особенностью: часть его верхних зубов была сросшена между собой и образовывала как бы одну кость. О.Л. Габелко обратил внимание на то, что срастание зубов (*шизодонтия*) обусловлено наследственным фактором и объяснил появление этой особенности у Прусия Однозубого тем, что его бабка Апама, жена Прусия I, могла передать внуку ген *шизодонтии*, унаследованный от ее прадеда Пирра Эпирского (Plut. Pyrrh. 3. 6)⁴³. Следует заметить, что близкородственный брак среди прямых предков индивидуума резко повышает вероятность проявления этого и подобного ему генов. Однако даже наличие такого брака между сыном Пирра Александром и его единокровной сестрой Олимпиадой (Just. XXVIII. 1. 1; Syll.³ 393) не привело к проявлению этого гена среди потомков Пирра в сиракузском или македонском царских домах. Очевидно, что проявлению гена *шизодонтии* у Прусия Однозубого способствовало наличие близкородственного брака среди его предков и по мужской линии. Между тем единственным таким браком могла быть женитьба его прадеда Зиела на своей единокровной и единокровной сестре Лисандре.

В-четвертых, в источниках засвидетельствован полисный статус вифинской столицы Никомедии⁴⁴. В-пятых, косские феоры с полным правом могли считать граждан Никомедии своими родственниками (в том смысле, как это понятие трактовалось нами выше), так как в состав населения столицы Вифинии влились жители разрушенного Лисимахом Астака, основанного, по одной версии, дорийцами из Мегар (Strabo. XII. 4. 2; Mela. I. 100; Memn. FGrH 434 F 12. 2) а по другой – из мегарской апойкии Калхедона (Charon FGrH 262 F 6)⁴⁵.

Впрочем, 30 лет назад дорийское происхождение Астака было подвергнуто сомнению Д. Ашер⁴⁶. Он попытался противопоставить единодушному мнению античных географов и историков, согласно которому Астак – либо напрямую, либо через Калхедон – был связан с Мегарами, свидетельство Арриана (Arr. Bithyn. F 5 Roos) о том, что эпонимом Астака был сын Посейдона и нимфы Ольвии. Данное обстоятельство, по мнению Д. Ашер, указывает на связь Астака с Беотией, а не с Мегарами, в которых культ Посейдона сколько-нибудь значительной роли не играл. К тому же Астак был фиванским героем, потомком спартов и отцом Меланиппа. Однако рассуждения Д. Ашер кажутся нам весьма спорными. Во-первых, существование храма и культа Посейдона в гавани Мегар Нисайе отмечается уже в V в. до н.э. (Thuc. IV. 118. 4). Во-вторых, пантеон колонии вовсе не всегда был точным

⁴¹ Glew 2005, 135–137.

⁴² Liv. Per. 50; Val. Max. I. 8. 12; Plin. NH. VII. 69; Solin. I. 70; Arr. Bithyn. F 63 Roos.

⁴³ См. Габелко 2000, 57–59; Габелко, Кузьмин 2008, 159–161.

⁴⁴ Ruge 1936, 479.

⁴⁵ Об основании Астака см. Пальцева 1999, 147–156.

⁴⁶ Asheri 1978, 93–98.

слепок с пантеона метрополии. Так, в основанной мегарцами при участии беотийцев Гераклея Понтийской⁴⁷ наиболее почитаемым божеством стал Геракл, хотя в самих Мегарах его культ практически отсутствовал⁴⁸. В Фанагории – колонии Теоса – одним из главных божеств была Афродита (Strabo. XI. 2. 10; КБН. 971, 972), следы почитания которой в метрополии не зафиксированы⁴⁹. К тому же непонятно, почему беотийское происхождение эпонима не может сочетаться с дорийской принадлежностью первых колонистов Астака или их основной массы. Ведь в отношении культов богов и героев дорийцы и беотийцы вовсе не были отделены друг от друга «великой китайской стеной». Как известно, Клизфен Старший перенес в дорийский Сикион культ фиванского героя Меланиппа, сына Астака (Herod. V. 67). Учитывая, что между Мегарами и Беотией связи были особенно тесными (Paus. I. 39. 5–6, 44. 3, 5; V. 26. 7), вполне справедливым представляется предположение Л.А. Пальцевой, согласно которому выбор Астака в качестве эпонима для нового города объясняется обращением мегарцев к беотийскому оракулу⁵⁰.

Общее дорийское происхождение было главным, но отнюдь не единственным основанием для утверждения о родстве Коса и Никомедии. В наших источниках (Isocr. IV. 43; Strabo. VIII. 6. 22) упоминание о *συγγένεια* часто подкрепляется указанием на общность культа⁵¹. Поэтому нельзя пройти мимо того факта, что в Никомедии существовал храм Асклепия (Paus. III. 3. 8)⁵², а одна из городских фил даже получила название в честь этого божества (МАМА. III. 263). Заметим, кстати, что на Боспоре в эллинистический период, когда главную роль там играло поклонение Аполлону Врачу⁵³, культ Асклепия практически отсутствует⁵⁴, что является еще одним доказательством против пантикапейской атрибуции разбираемого рескрипта.

⁴⁷ Считается, что еще до их прибытия на территории Гераклеи существовала колония милетян. См. Сапрыкин 1986, 17–23; Виноградов, Золотарев 1999, 126–128.

⁴⁸ Следы культа Геракла фиксируются лишь в лежащих на побережье Коринфского залива Пагах и Эгосфене. См. Meyer 1931, 203. В Беотии, напротив, Геракл был одним из наиболее популярных божеств. См. Prinz 1974, 162–165.

⁴⁹ Ruge 1934, 563–565.

⁵⁰ Пальцева 1999, 155–156. Мы полагаем, что принятие Астака в качестве эпонима новой колонии было еще и своеобразным «покаянием» мегарцев за существующий у них культ Адраста (Paus. I. 43. 1), в борьбе с которым погиб Меланипп.

⁵¹ Curty 1995, 53; Rigsby 1996, 150. См. обстоятельную работу об особой роли религиозных празднеств в формировании и сохранении у дорийцев представлений о собственной этнической идентичности: Robertson 2002 [2003], 5–74.

⁵² См. также Ruge 1934, 485.

⁵³ Сударев 1999, 214.

⁵⁴ Кобылина 1984, 220. Данному утверждению, на первый взгляд, противоречит цитируемое Страбоном сообщение Эратосфена (Strabo. II. 1. 16) о существовании в Пантикапее храма Асклепия (указано С.Р. Тохтасьевым). Но насколько достоверно это свидетельство? Существует лишь одно граффито IV в. до н.э. (Толстой 1953, № 182), которое, как полагают, является совместным посвящением Аполлону и Асклепию (Сударев 1999, 218, прим. 1). Однако имя Аполлона на черепке отсутствует, а третья из сохранившихся букв – *йота* – прочерчена так странно, что скорее напоминает *ро* с отсутствующей вертикальной гаской. Поэтому вместо *καὶ Ἀσ[κλήπιω]* граффито следует читать как [--?]ΚΑΡΑΣ. Таким образом, самым ранним эпиграфическим памятником, свидетельствующим о существовании святилища Асклепия, – да и то не в самом Пантикапее, а в его окрестностях (Гайдукевич 1949, 170–172; ср. Сапрыкин 2002, 186–190), – является надпись II в. н.э. (КБН 957). Следует также отметить, что ни упомянутая у Эратосфена и Страбона лопнувшая от мороза гидрия, ни начертанная на ней эпиграмма не имели никакого отношения к культу

Итак, казалось бы, теперь ничто не препятствует нам считать, что данный рескрипт был составлен в Вифинии, если бы не наличие в косском архиве еще одного письма Зиела⁵⁵, о котором уже упоминалось выше. Прежде была распространена его датировка периодом ок. 250–242 года до н.э.⁵⁶, теперь же К. Ригсби датирует его строго 242-м годом до н.э.⁵⁷, что, разумеется, автоматически исключает самую возможность приписывать Зиелу авторство «нашего» документа, относящегося к тому же году. Исследователь обосновывает эту дату следующими соображениями: прибывший к Зиелу архиеор Диогитон был тем же самым лицом, которое возглавляло косское посольство⁵⁸ к другому неизвестному царю⁵⁹, заявившему о предоставлении празднеству в честь Асклепия неприкосновенности, а это, мол, означает, что посольство посетило обоих царей именно в 242 г. до н.э.

Однако рассуждения К. Ригсби кажутся нам абсолютно неубедительными. Создается впечатление, что он исходит из априорного предположения, согласно которому Диогитон за всю свою жизнь мог лишь один-единственный раз оказаться во главе посольства. Между тем дипломатия – даже в наиболее демократических полисах⁶⁰ – была делом далеко не всех граждан и находилась в руках влиятельных политиков, получивших риторическое образование и имевших личные связи среди правящей элиты других государств. К тому же в ряде полисов при занятии посольских должностей действовали возрастные ограничения (Plut. Per. 17). Наконец, оплата посольских расходов из казны была весьма невелика, и послам часто приходилось тратить свои средства в надежде на то, что затем государство возместит их⁶¹. Поэтому неудивительно, что многие граждане, даже будучи избранными в посольство, отказывались от подобной чести (Syll.³ 591, 9–11). Естественным следствием такого порядка вещей стало то, что посольские функции сплошь и рядом исполняли одни и те же лица.

Так, афинянин Алексийон в 185–184 гг. до н.э. вел переговоры, посвященные реорганизации Дельфийской Амфикифии, а двумя годами позже посредничал при заключении мира между Милетом и Магнезией-на-Меандре⁶². Родосец Ас-

Асклепия, а были призваны дать наглядное свидетельство о суровых морозах, случавшихся на территории Боспора. Поэтому, по логике вещей, такое посвящение должно было храниться в храме главного божества страны, – т.е. в святилище Аполлона Врача. Мы склонны предположить, что упоминание храма Асклепия в данном месте произошло из-за ошибки Эратосфена, Страбона или кого-то из их переписчиков. Интересно, что и Б.Н. Граков (1939, 285), касаясь культа Асклепия на Боспоре, проигнорировал это свидетельство.

⁵⁵ Syll.³ 456 = RC 25 = Rigsby 1996, № 11 = IG XII. 4, 209. И одно (SEG XII. 370 = Rigsby 1996, № 12 = IG XII. 4, 213), и другое (Syll.³ 456 = RC 25 = Rigsby 1996, № 11 = IG XII. 4, 209) письмо выполнены одним и тем же резчиком. См. Crowther 2004, 27.

⁵⁶ См. RC 25; Зельин, Трофимова 1969, 230.

⁵⁷ Rigsby 1996, 108, 120.

⁵⁸ Имена остальных его участников неизвестны.

⁵⁹ RC 26 = Rigsby 1996, № 9. Вряд ли можно считать, что это Селевк II. Отправка посольства в 242 г. до н.э. ко все еще воевавшему с Птолемеем III сирийскому царю было бы расценено в Александрии как демонстративное неуважение островитян к их египетскому покровителю. Со своей стороны и Селевк еще не мог в 242 г. до н.э. характеризовать окружающую обстановку как *ἡσυχία*. См. также Sherwin-White 1978, 112, n. 153; Curty 1995, 49, n. 12.

⁶⁰ В эллинистический период на Косе существовала демократия, все граждане обладали полной политической прав, а демос принимал участие в решении вопросов в том числе и внешней политики. См. Sherwin-White 1978, 176–181.

⁶¹ См. Mosley 1973, 43–46, 74–75.

⁶² Хабихт 1999, 227–228.

тимед трижды возглавлял посольство в Рим: в 167/166 (Polyb. XXX. 4–5), в 164 (Polyb. XXXI. 6. 1) и в 153 г. до н.э. (Polyb. XXXIII. 15. 3). Отец Полибия ахеец Ликорта дважды – в 187 и 182 гг. до н.э. – возглавлял посольства в Египет (Polyb. XXII. 3. 6; XXIV. 6. 3). Гражданин Дионисополя Акорнион (Syll.³ 762) отправлялся в посольства несколько раз, в том числе – к царю Биребисте и Гнею Помпею. Поскольку по числу граждан Кос значительно уступал и Афинам, и Родосу, и, тем более, Ахейскому союзу, то нет ничего удивительного в том, что Диогитон исполнял посольские функции неоднократно.

К тому же К. Ригсби, став пленником собственной гипотезы хронологической однородности косского архива⁶³, фактически проигнорировал те данные, которые не позволяют датировать письмо Зиела⁶⁴ 242-м годом до н.э. Во-первых, сравнение данного документа с постановлением города Киоса⁶⁵ показывает, что последний посетили совсем не те послы⁶⁶, которые были у Зиела. Если считать, что оба посольства относятся к одному и тому же 242 г. до н.э., то возникает вопрос, для чего косцы отправили в Киос и к Зиелу две разные миссии. Ведь Киос лежит в непосредственной близости от Никомерии: их разделяет не более одного дня пути по морю или по суше. Предположение же К. Ригсби об отсутствии Зиела в столице в момент прибытия посольства⁶⁷ вызывает, в свою очередь, новый вопрос, который так и остался без ответа: откуда на Косе могли *заранее* знать, что царя в Никомерии нет?

Во-вторых, хотя письмо Зиела полностью сохранилось, в нем нет ни слова о том, что составляло главное содержание миссии феоров 242 г. до н.э.: добиться подтверждения асии для игр в честь Асклепия; царь предоставил неприкосновенность лишь одному святилищу. Объяснение этого факта К. Ригсби, согласно которому признание неприкосновенности празднеств скрывается в обещании «в остальном относиться человеколюбиво к вашему полису»⁶⁸, не может быть принято по двум причинам. Одна из них заключается в том, что хотя во многих концовках городских декретов и царских рескриптов встречаются аналогичные выражения⁶⁹, им обязательно предшествует перечень того, на что город или правитель должны были дать свое согласие. Так, автор не полностью сохранившегося рескрипта⁷⁰ сначала говорит о Великих Асклепείях, жертвоприношении, состязании и неприкосновенности приходящих на игры, а в конце просто заявляет о принятии асии и, чтобы избежать повторений, обещает, что «в остальном мы будем пытаться... не отказать вам в испрошенном» (εἰς τὸ λοιπὸν δὲ πεῖρασόμεθα... μὴ ἀχαρίστεῖν ὑμῖν ἢ ἐν τοῖς ἀῤῥοιμένοις). Ссылка на сильно разрушенный декрет критского Феста⁷¹, от которого до нас дошло неполных 11 строк, положения не спасает. Однако еще более важно то, что предположение К. Ригсби является методологически неверным, так как позволяет датировать 242-м годом до н.э. даже те доку-

⁶³ Rigsby 1996, 108.

⁶⁴ Syll.³ 456 = RC 25 = Rigsby 1996, № 11 = IG XII. 4, 209.

⁶⁵ Rigsby 1996, № 32.

⁶⁶ В Киос прибыли архифеор Гиппот, сын Гиппокрита, феоры Эсхрон, сын Теудота, и Эпикл, сын Агоракрита. До Киоса они побывали в нескольких не известных нам городах, которые, судя по языку их декретов, находились в малоазиатской Дориде, Ионии, Эолиде и на Лесбосе. См. Rigsby, Hallof 2001, 339–340; Bosnakis, Hallof 2003, 236–242.

⁶⁷ Rigsby 1996, 120.

⁶⁸ Rigsby 1996, 120.

⁶⁹ См. подборку примеров: Rigsby, Hallof 2001, 338.

⁷⁰ Rigsby 1996, № 9.

⁷¹ Rigsby, Hallof 2001, 338.

менты⁷² из архива храма Асклепия, где нет никаких упоминаний об играх. Между тем храм Асклепия (Temple B) был сооружен не позднее 278 г. до н.э. (Syll.³ 398, 51)⁷³. Поэтому нет ничего невероятного в том, что из-за крайне нестабильной ситуации в Эгее в 60–50-е годы III в. до н.э. жители Коса позаботились о приобретении асии для святилища значительно раньше 242 г. до н.э.

В-третьих, очень показательным является тот факт, что Зиел нигде не именует косских послов Диогитона, Аристолаха и Теудота *феорами*⁷⁴, что, впрочем, хорошо согласуется с целями их миссии, о которых можно судить исходя из содержания письма⁷⁵. Между тем во всех относящихся к 242 г. до н.э. царских рескриптах и городских постановлениях, сохранность которых более или менее удовлетворительна, послы Коса называются именно феорами. Упоминания о них не сохранились только в сильно разрушенных декретах Маронеи, Коркиры, Левки⁷⁶, а также в уже упоминавшемся царском рескрипте⁷⁷, автор которого называет посла лишь по имени. Последнее, впрочем, объясняется тем, что о составе и целях посольства говорилось в начале документа, а оно до нас не дошло⁷⁸.

В-четвертых, как уже отмечалось выше, в посольстве к Зиелу⁷⁹ кроме Диогитона участвовали Аристолах и Теудот. Но если имя последнего на Косе относилось к числу наиболее популярных⁸⁰, то анализ встречаемости имени первого показывает, что, кроме данного случая, оно фиксируется: 1) у архифеора, объездившего в 242 г. до н.э. города материковой Греции от Спарты до Филипп⁸¹ и 2) около 200 г. до н.э. как

⁷² К ним наряду с рескриптом Зиела (Syll.³ 456 = RC 25 = Rigsby 1996, № 11 = IG XII. 4, 209) можно отнести письмо другого «неизвестного монарха» (RC 12 = Rigsby 1996, № 10), которое находится с первым на одной стеле, но выполнено другим резчиком. См. Crowther 2004, 25.

⁷³ См. также Sherwin-White 1978, 341.

⁷⁴ Основные значения термина *θεορός*, связанные с посольской миссией, согласно словарю LSJ: 1) *envoy, sent to consult an oracle; to present an offering; to be present at festivals*; 2) *generally, envoy, sent to kings regarded as divines* (p. 797). Очевидно, миссия Диогитона, Аристолаха и Теудота к Зиелу не подходит ни под один из этих случаев.

⁷⁵ К. Ригсби (1996, 121) и сам подчеркивает, что косцы во время посещения Зиела поднимали вопрос о безопасности своих торговцев. Возможно, что этот вопрос был для послов даже более значимым, нежели неприкосновенность храма Асклепия: Зиел вряд ли мог представлять для последнего какую-то угрозу – в отличие от грабивших корабли в Пропонтиде вифинских пиратов.

⁷⁶ Rigsby 1996, № 29, 45; Rigsby, Hallof 2001, 342, № 5.

⁷⁷ Rigsby 1996, № 9.

⁷⁸ Так, Птолемей III (Rigsby № 8; Bosnakis, Hallof 2003, 243, № 19) упоминает о феорах и их именах лишь в первых строках своего рескрипта.

⁷⁹ Syll.³ 456 = RC 25 = Rigsby 1996, № 11 = IG XII. 4, 209.

⁸⁰ Оно отмечается у 29 лиц. См. Sherwin-White 1978, 460–462.

⁸¹ См. Rigsby 1996, 14–18, 23–27; Bosnakis, Hallof 2003, 229–232. Вопреки высказанному недавно мнению о том, что феоры во главе с Аристолахом следовали в общем направлении с севера на юг (Bosnakis, Hallof 2003, 233–234), мы полагаем, что, поскольку посольство, как обычно, отправилось в путь весной (Rigsby, Hallof 2001, 335), а в конце августа было уже в македонском Амфиполе (Rigsby 1996, 138), его маршрут явно пролегал с юга на север. В пользу достоверности этого направления говорит и то, что где-то в Фессалии третий феор Гераклит, очевидно из-за болезни или смерти, «исчезает», и посольство продолжило свой путь в сокращенном составе. В противном случае пришлось бы предположить, что первоначально посольство состояло только из двух феоров, а Гераклит присоединился к своим коллегам, когда они проделали уже около половины пути. См. также Herzog, Klaffenbach 1952, 27; Rigsby 1996, 134.

патронимик одного из косских жителей⁸². Больше имя Аристолоха *ни разу* на Косе не встречается. Мы склонны полагать, что эти факты скорее доказывают, что в середине III в. до н.э. на Косе жил лишь один Аристолох – сын Змендрона и отец Филиппа, – чем свидетельствуют об одновременном существовании двух видных косских граждан, носивших одинаковое имя и занимавшихся одной и той же посольской деятельностью. Поскольку же Аристолох не мог параллельно путешествовать по Элладе и Македонии в качестве главы одной из косских миссий и быть рядовым участником посольства к вифинскому царю, то становится ясно, что упоминавший Аристолоха рескрипт Зиела⁸³ не может датироваться 242-м годом до н.э.

Заявление К. Ригсби о том, что повторное признание асилии одной и той же династией является беспрецедентным⁸⁴, в случае с Зиелом бьет мимо цели: ведь в одном письме, как уже отмечалось выше, речь идет только о неприкосновенности храма⁸⁵, а в другом асилия упоминается вместе с празднеством⁸⁶. Аналогичным образом ряд городов и царей в 221 г. до н.э. признали неприкосновенность храма Артемиды в Магнесии на Меандре, а через несколько лет – празднество и игры⁸⁷. Таким образом, наличие в косском архиве более раннего письма Зиела⁸⁸ ни только не препятствует нам считать, что проанализированный здесь второй рескрипт⁸⁹ тоже был отправлен этим вифинским царем, но уже в 242 г. до н.э., но даже становится еще одним аргументом в пользу авторства Зиела, так как хорошо согласуется с содержащимся во втором документе упоминании о прежних благодеяниях.

Опираясь на проделанный выше анализ эпиграфических данных, а также привлекая не использовавшиеся прежде источники, мы можем предложить следующую реконструкцию политической истории Вифинии в 50–40-х годах III в. до н.э. Около 255 г. до н.э.⁹⁰, после смерти Никомеда I, вспыхивает так называемая «война за вифинское наследство». Наш единственный источник, Мемнон, рассказывает о ней так: «По прошествии совсем небольшого времени Никомед, царь вифинов, когда его сын от прежнего брака Зиел был изгнанником у царя Армении⁹¹, скрываясь от козней мачехи Этазеты (а дети <Никомеда> от нее были еще малы), умирая, записывает наследниками детей от второй жены. Опекунами <их> он назначает Птолемея, Антигона, демос византийцев, а также демос гераклеотов и кианийцев. Зиел, однако, с войском, которое он дерзко пополнил галатами толистобогиями, возвращается на царство. Вифины, стараясь спасти власть для малолетних детей царя, выдают их мать замуж за брата Никомеда, а сами, взяв войско названных выше опекунов, отражали Зиела. После многочисленных битв и перемен счастья

⁸² Paton, Hicks 1891, № 10, с. 90.

⁸³ Syll.³ 456 = RC 25 = Rigsby 1996, № 11 = IG XII. 4, 209.

⁸⁴ Rigsby 1996, 117.

⁸⁵ Syll.³ 456 = RC 25 = Rigsby 1996, № 11 = IG XII. 4, 209, 5–7, 45.

⁸⁶ SEG XII. 370 = Rigsby 1996, № 12 = IG XII. 4, 213, 22–23.

⁸⁷ Rigsby 1996, 182–183.

⁸⁸ Syll.³ 456 = RC 25 = Rigsby 1996, № 11 = IG XII. 4, 209.

⁸⁹ SEG XII. 370 = Rigsby 1996, № 12 = IG XII. 4, 213.

⁹⁰ О дате см. Tarn 1969, 327, n. 3; Vinogradov 1999, 286; Avram 2003, 1184, n. 8.

⁹¹ Под Арменией здесь подразумевается Софена, лежащая между Евфратом, Восточным Тавром и горами Мардин (*Strabo*. XI. 14. 3). Позднее ее правитель Арсам – основатель Арсамосаты (Toumanoff 1963, 281; Newsen 1984, 358) – будет состоять в дружбе с зятем Зиела Антиохом Гиераксом (*Polyaen*. IV. 17). Правители Софены зависели от Селевкидов и были вынуждены платить им дань (*Polyb*. VIII. 25. 4–5).

обе стороны пришли, наконец, к примирению, причем в этих сражениях гераклеоты отличились, а по договорам достигли выгод» (Memn. FGrH 434 F 14. 1–2).

Как явствует из данного отрывка, противники Зиела – «вифины»⁹² – опирались на вооруженную помощь Антигона II Гоната, Птолемея II⁹³, Византия, Гераклеи и Киоса. Тем не менее беглецу Зиелу удалось получить в свое распоряжение армию, пополнить ее галатами и после многочисленных сражений добиться достаточно выгодных для себя условий мира. Естественно, что подобное развитие событий вызывает целый ряд вопросов. Откуда у Зиела оказалась армия⁹⁴? Откуда взялись деньги на оплату услуг галатских наемников? Каким маршрутом вернулся Зиел в Вифинию, если поначалу правители Понта и Каппадокии не захотели оказать претенденту никакой поддержки⁹⁵? Ответ может быть только один: на помощь сыну Никомеда пришел Антиох II Теос⁹⁶.

Принятое селевкидским монархом политическое решение выглядит абсолютно логичным в контексте продолжавшейся II Сирийской войны: Антиох II был крайне заинтересован в том, чтобы отвлечь силы египтян из Келесирии и Западной Малой Азии путем создания нового театра военных действий в Вифинии. Поэтому сирийский царь предоставляет Зиелу войско⁹⁷, деньги на вербовку наемников и обеспечивает своему новоиспеченному союзнику проход либо через свои земли, либо по территории зависимой от Селевкидов Каппадокии⁹⁸. Судя по упоминаниям Мем-

⁹² Под «вифинами», скорее всего, подразумеваются представители вифинской аристократии.

⁹³ То, что умирающий Никомед назначил опекунами Антигона II Гоната и Птолемея II Филадельфа, которые в дальнейшем совместно действовали против Зиела, свидетельствует, вопреки мнению Г. Ригера (1985 [1993], 165), о мирных и даже союзнических отношениях между Антигонидами и Лагидами в данный период. Это, в свою очередь, не позволяет согласиться с мнением тех авторов (Buraselis 1982, 146–151; Hammond, Walbank 1988, 599), которые датируют победу македонского флота над египетским в битве при Косе 255 г. до н.э. Скорее всего, эту навмахию следует отнести к концу Хремонидовой войны, т.е. к 261 г. до н.э.

⁹⁴ Хотя Зиел и нашел приют у царя Софены, но это еще не значит, что именно последний предоставил беглому царевичу свое войско. Достаточно только взглянуть на карту, чтобы понять, что данная акция не могла принести гостеприимцу Зиела никаких выгод в плане расширения границ или усиления своего политического влияния. Ср.: Habicht 1972, 379.

⁹⁵ В пользу данного предположения косвенным образом свидетельствует то обстоятельство, что Зиелу пришлось искать убежище так далеко на Востоке; очевидно, что власти соседних с Вифинией стран не пожелали иметь с ним дела.

⁹⁶ В литературе уже не раз (Niese 1899, 137; Jouguet 1937, 412; Сапрыкин 1986, 177) высказывалась точка зрения о сближении Зиела с Антиохом II, однако это всегда понималось как следствие заключенного ранее союза между царем Вифинии и Птолемеем II Филадельфом.

⁹⁷ Его численность вряд ли была велика. И совсем уж невероятным кажется нам личное присутствие Антиоха II, который, по мнению ряда исследователей (Vinogradov 1999, 288–289, Anm. 45; Avram 2003, 1208, 1211), в разгар II Сирийской войны (255–254 гг. до н.э.) отправился в поход на северо-запад Малой Азии и во Фракию.

⁹⁸ Неоднократно высказывавшееся с опорой на Диодора (XXXI. 19. 9) мнение, согласно которому Каппадокия в 260–255 годах до н.э. стала самостоятельной, а ее правители приняли царский титул (Сапрыкин 1996, 41, 53–54; Габелко 2005б, 96–97; Габелко, Кузьмин 2008, 143), противоречит нумизматическим данным. На бронзовых монетах современника Антиоха II Теоса Ариарамна нет титула βασιλεύς. Царский титул – да и то не сразу – появляется только на монетах Ариарата III в 20-х годах III в. до н.э. (Mørkholm 1991, 131–132).

нона о присылке «опекунами» (в том числе и Лагидами) своих войск в Вифинию и о состоявшихся многочисленных сражениях, миссия Зиела явно оправдала возлагавшиеся на нее Антиохом II надежды. И когда в 253 г. до н.э. между Антиохом II и Птолемеем II был заключен мир, то при этом не были забыты и интересы Зиела: беглый царевич наконец-то становится царем.

Именно в это время к Зиелу прибывает первое посольство с Коса, возглавленное Диогитоном. *Terminus post quem* этой миссии определяется наличием в ответном послании вифинского царя слов о союзе и дружбе с Птолемеем II⁹⁹, чего не могло быть ранее 253 г. до н.э.¹⁰⁰ Какая ситуация сложилась в Вифинии в эту эпоху? Уже заявление Мемнона о завершении войны в результате заключения каких-то договоров, оказавшихся выгодными, в частности, гераклеотам – противникам Зиела, заставляет усомниться в том, что последнему удалось сразу же стать царем всей Вифинии. Анализ рескрипта Зиела превращает эти сомнения в уверенность. В начале письма Зиел, хорошо помнящий свое изгнание, горделиво именует себя царем вифинов (Βασιλεὺς Βιθυνῶν), однако, когда речь заходит о гарантиях безопасности для косских мореплавателей, то царь сразу же ограничивает сферу их действия «теми местами, которыми мы управляем» (τοῖς τόποις ὧν ἡμεῖς κρατοῦμεν)¹⁰¹. Из этих слов с неизбежностью следует, что страна была расчленена на два или три – по числу наследников Никомеда – самостоятельных владения, возглавлявшихся прежними противниками в войне за престол, и Зиел был лишь одним из них. Трудно сказать, какие именно районы Вифинии отошли к Зиелу. Очевидно, что он контролировал какую-то часть морского побережья, но Никомедия – судя по полному отсутствию упоминаний о столице в тексте рескрипта – ему явно не подчинялась.

Однако возникшая после 253 г. до н.э. ситуация многовластия сохранялась недолго. В середине лета 250 г. до н.э. Антиох II выступил со своими войсками из Антиохии¹⁰². Что можно сказать о направлении этого похода? С Птолемеем II Филадельфом сохранялся скрепленный династическим браком мир, в восточных сатрапиях державы Селевкидов, откуда Антиох II возвратился весной 251 г. до н.э.¹⁰³, все было спокойно¹⁰⁴, поэтому нам не остается ничего другого, как предположить, что летом 250 г. до н.э. царь двинулся на северо-запад Малой Азии и

⁹⁹ Syll.³ 456 = RC 25 = Rigsby 1996, № 11 = IG XII. 4, 209, 23–26.

¹⁰⁰ Мы не склонны утверждать, что косцы немедленно перенесли текст этого письма на камень. Возможно, это произошло позднее и было приурочено к учреждению Великих Асклепий. Такие случаи не были редкостью. Так, по предположению Ч. Краузера (2004, 25), надпись с постановлением 278 г. до н.э. (Syll.³ 398) была выставлена на Косе только ок. 246/5 г. до н.э.

¹⁰¹ Syll.³ 456 = RC 25 = Rigsby 1996, № 11 = IG XII. 4, 209, 36–37.

¹⁰² Не позднее августа об этом уже знали в Вавилоне. См. Sachs, Hunger 1989, № 249. A 'Rev'. 6'.

¹⁰³ В феврале-марте 251 г. до н.э. Антиох II выступил из Селевкии (Sachs, Hunger 1989, № 251. Rev. 3). Хотя в вавилонских астрономических документах Селевкия-на-Тигре обычно упоминается с указанием на то, что это «царский город» (Sachs, Hunger 1989, № 273. A 'Rev'. 31', 35'), однако после первого или второго упоминания это указание опускается (Sachs, Hunger 1989, № 273. A 'Rev'. 36'). Поэтому можно считать, что и в данном случае речь идет о второй столице Селевкидов.

¹⁰⁴ Никто из исследователей, кажется, не обращал внимания на то, что Ашока из династии Маурьев в XIII Большом наскальном эдикте, относящемся, по мнению А.А. Вигасина (2007, 99), к 252–250 годам до н.э., перечисляет всех известных ему греческих царей, но умалчивает о Диодоте Бактрийском. Молчание Ашоки красноречиво свидетельствует о

во Фракию: селевкидская армия угрожала Византию (Memn. FGrH 434 F 15), а также совершила поход против фракийского племени астов (Polyaen. IV. 16; IGBR. I2. 388)¹⁰⁵. Примерно в это же время или несколько ранее галаты razорили гераклейские земли (Memn. FGrH 434 F 14. 3)¹⁰⁶. Силы бывших «опекунов» – союзников сводных братьев Зиела – были серьезно ослаблены, либо, как в случае с Гераклеей, отвлечены на оказание помощи Византию¹⁰⁷. Трудно даже предположить, что Зиел, всю жизнь действовавший по принципу «кто сегодня чужое упустит, тот завтра свое потеряет», не воспользовался бы столь благоприятно сложившимися для него обстоятельствами. Поэтому мы считаем, что именно в 250–249 годах до н.э. Зиел сумел овладеть всей Вифинией.

Однако именно в этот момент своего наивысшего политического триумфа в самой стране Зиел оказался в состоянии почти полной внутренней изоляции. Это было вызвано тем, что его приход к власти сопровождался расправой над родственниками¹⁰⁸ и поддерживавшими их представителями знати. Разумеется, что все это вряд ли могло понравиться сородичам нового царя – вифинам. Испорченными оказались и его отношения с греками: ведь Зиел захватил трон при помощи разбойничьих галатских отрядов и вопреки ясно выраженной воле своего покойного отца Никомеда, сделавшего филэллинизм одним из приоритетных направлений своей внутренней и внешней политики¹⁰⁹. В этой непростой ситуации Зиелу хватило ума понять, что ни сариссы его покровителя Антиоха, ни мечи верных (до известного момента) галатских союзников непригодны для того, чтобы на них сидеть, и, следовательно, ему надо найти более действенные меры для укрепления своей власти.

Поэтому Зиел решил последовать примеру Птолемея II Филадельфа и вступить в брак со своей собственной сестрой Лисандрой, которая, очевидно, все эти годы находилась в Никомедии. Посредством такой акции бывший изгнанник достигал сразу трех целей: во-первых, укреплял свои притязания на престол, во-вторых, сводил к минимуму угрозу появления нового претендента на трон и руку Лисандры из числа иноземных монархов или знатных вифинов и в-третьих, улучшал свой имидж в глазах соплеменников. Но если в своей брачной политике Зиел шел по уже проторенному пути, то меры, предпринятые им для нормализации отношений с эллинами, были весьма нестандартными: Никомедия получила статус полиса, а ее жители стали именоваться «согражданами» царя. Здесь уместно привести слова Ю.Г. Виноградова, в которых он выразительно обрисовал положение дел, побудившее автора рескрипта¹¹⁰ пойти на этот шаг: «Недавно взошедший на трон

том, что Бактрия в этот период была лишь селевкидской сатрапией, а до воцарения Диодота должно было пройти еще немало времени. См. также Балахванцев 2010, 17.

¹⁰⁵ О политической и военной активности Антиоха II Теоса в Малой Азии и Пропонтиде см. Ма 1999, 34–37 (там же и предшествующая литература).

¹⁰⁶ Возможно, что Зиел имел к этому набегу самое непосредственное отношение. См. Schneiderwirth 1885, 9–10; Дзагурова 1951, 299, прим. 1; Сапрыкин 1986, 170.

¹⁰⁷ Своим спасением, впрочем, Византий был обязан вмешательству Птолемея II, но не военному, а дипломатическому. Возможно, что именно в связи с этими событиями горожане провозгласили египетского царя богом. См. Avram 2003, 1203–1207.

¹⁰⁸ Лишь один из сводных братьев Зиела, Зипойт (Тибойт), сумел бежать в Македонию (Polyb. IV. 50. 2. 8–9).

¹⁰⁹ О филэллинской политике Никомеда см. Corso 1990, 135–160; Hannestad 1996, 74–76; Габелко 2005а, 189–197.

¹¹⁰ SEG XII. 370 = Rigsby 1996, № 12 = IG XII. 4, 209.

владыка, столкнувшись лицом к лицу с гражданской оппозицией своей политике, породившей тревожность ситуации и шаткость позиций его власти, вынужден был заигрывать со своими подданными, делая в их адрес серьезные политические реверансы»¹¹¹.

Между тем дарование Никомедии статуса полиса принесло Зиелу солидные политические дивиденды не только внутри страны, но и на международной арене. Прибывшее в 242 г. до н.э. в Вифинию второе косское посольство заявило о своем родстве с жителями Никомедии, что приближало к эллинам и самого Зиела, а также доставило царю приглашение на панэллинские торжества. И хотя из-за переживаемых им «немалых трудностей»¹¹² Зиел не смог отправить на Кос священное посольство, рост его авторитета среди эллинов не подлежит никаким сомнениям. Особенно сильное впечатление должно было произвести то, что царь, наряду с царицей Лисандрой и своим сыном, будущим Прусием I, сделал соучастниками решения о предоставлении асиили играм в честь Асклепия граждан Никомедии.

Подводя итоги первому и наиболее бурному периоду правления Зиела (255–242 гг. до н.э.), необходимо заметить следующее: уже в античности за вифинским царем закрепилась репутация храброго и воинственного правителя, который подобно Гераклу по праву носил львиную шкуру (Arr. Bithyn. F 64 Roos). Однако справедливость требует признать, что своего наивысшего успеха Зиел, словно следуя совету спартанца Лисандра (Plut. Lys. 7), добился, добавив к львиной лисью шкуру «филэллинизма».

Литература

- Артамонов М.И. 1949: К вопросу о происхождении боспорских Спартокидов // ВДИ. 1, 29–39.
- Балахванцев А.С. 2010: Еще раз о дате возникновения Парфянского и Греко-Бактрийского государств // Древние цивилизации на Среднем Востоке. Археология, история, культура / С.Б. Болелов (ред.). М., 17.
- Блаватская Т.В. 1959: Очерки политической истории Боспора. М.
- Блаватский В.Д. 1976: Об именах Спартокидов // Художественная культура и археология античного мира / Н.И. Сокольский (ред.). М., 56–58.
- Вигасин А.А. 2007: Древняя Индия: от источника к истории. М.
- Виноградов Ю.Г. 1983: Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция, 1 / Е.С. Голубцова (ред.). М., 366–420.
- Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И. 1999: Херсонес изначальный // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997 гг. Северное Причерноморье в античности. Вопросы источниковедения / А.В. Подосинов (ред.). М., 91–129.
- Габелко О.Л. 2000: Генеалогии эллинистических царских династий // Античность: эпоха и люди / В.Д. Жигунин, Е.А. Чиглинцев, О.Л. Габелко (ред.). Казань, 51–61.
- Габелко О.Л. 2005а: История Вифинского царства. СПб.
- Габелко О.Л. 2005б: Династическая история эллинистических монархий Малой Азии по данным «Хронографии» Георгия Синкелла // Antiquitas Aeterna / О.Л. Габелко (ред.), 86–106.
- Габелко О.Л., Кузьмин Ю.Н. 2008: Матримониальная политика Деметрия II Македонского: новые решения старых проблем // ВДИ. 1, 141–164.
- Гайдукевич В.Ф. 1949: Боспорское царство. М.
- Граков Б.Н. 1939: Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 3, 231–315.

¹¹¹ Толстиков, Виноградов 1999, 295.

¹¹² Сложно сказать, что – война с Пергамом? назревающий конфликт с Селевком II? проблемы с галатами? – скрывалось за этими словами.

- Дзагурова В.П.* 1951: Мемнон. О Геракле. Введение, комментарии // ВДИ. 1, 283–316.
- Завойкин А.А.* 2001: «Боспорский феномен» или псевдоэллинизм на Боспоре // Древности Боспора, 4 / А.А. Масленников, А.А. Завойкин (ред.). М., 150–181.
- Зельин К.К., Трофимова М.К.* 1969: Формы зависимости в Восточном Средиземноморье эллинистического периода. М.
- Каллистов Д.П.* 1952: Северное Причерноморье в античную эпоху. М.
- Кобылина М.М.* 1984: Религия и культы // Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья / Г.А. Кошеленко, И.Т. Кругликова, В.С. Долгоруков (ред.). М., 220–222.
- Молев Е.А.* 1999: Спарток и первые Спартокиды на Боспоре // Античный мир и археология. 10, 30–35.
- Пальцева Л.А.* 1999: Из истории архаической Греции. Мегара и мегарские колонии. СПб.
- Сапрыкин С.Ю.* 1986: Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М.
- Сапрыкин С.Ю.* 1996: Понтийское царство. Государство греков и варваров в Причерноморье. М.
- Сапрыкин С.Ю.* 2002: Был ли на Боспоре храм Асклепия? // Северное Причерноморье в античное время / П.П. Толочко (ред.). Киев, 186–190.
- Сударев Н.И.* 1999: Культ Аполлона Врача на Боспоре и некоторые вопросы греческой колонизации // Древности Боспора, 2 / А.А. Масленников, А.А. Завойкин (ред.). М., 213–231.
- Толстиков В.П., Виноградов Ю.Г.* 1999: Декрет Спартокидов из дворцового храма на Акрополе Пантикалея // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи / А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова, В.А. Башилов (ред.). М., 282–304.
- Толстой И.И.* 1953: Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.
- Хабихт Х.* 1999: Афины. История города в эллинистическую эпоху. М.
- Яйленко В.П.* 1990: Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм: экономика, политика, культура / Е.С. Голубцова (ред.). М., 249–309.
- Яйленко В.П.* 1995: Женщины, Афродита и жрица Спартокидов в новых боспорских надписях // Женщина в античном мире / Л.П. Маринович, С.Ю. Сапрыкин (ред.). М., 204–272.
- Asheri D.* 1978: On the «Holy Family» of Astakos // Studien zur Religion und Kultur Kleinasien 1 / S. Şahin, E. Schwertheim, J. Wagner (eds.). Leiden, 93–98.
- Avram A.* 2003: Antiochos II Théos, Ptolémée Philadelphie et la mer Noire // Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 3, 1181–1213.
- Bosnakis D., Hallof K.* 2003: Alte und neue Inschriften aus Kos I // Chiron. 33, 203–262.
- Buraselis K.* 1982: Das hellenistische Makedonien und die Ägäis. München.
- Buraselis K.* 2004: Some Remarks on the Koan *Asylia* (242 B.C.) against its International Background // The Hellenistic Polis of Kos. State, Economy and Culture / K. Höghammar (ed.). Uppsala, 15–20.
- Corso A.* 1990: Nicomede I, Dedals e le Afrodite nude al bagno // Numismatica e Antichità classiche. Quaderni ticinesi. XIX, 135–160.
- Crowther Ch.* 2004: The Dating of Koan Hellenistic Inscriptions // The Hellenistic Polis of Kos. State, Economy and Culture / K. Höghammar (ed.). Uppsala, 21–60.
- Curry O.* 1995: Les parentés légendaires entre cités grecques. Genève.
- Curry O.* 2005: Un usage fort controversé: la parenté dans le langage diplomatique de l'époque hellénistique // Ancient Society. 35, 101–117.
- Glew D.* 2005: Nicomedes' Name // Epigraphica Anatolica. 38, 131–137.
- Habicht Ch.* 1972: Ziaelas // RE. 10A, 387–397.
- Hallof L. u. K., Habicht Chr.* 1998: Aus der Arbeit der «Inscriptiones Graecae» II. Ehrendekrete aus dem Asklepieion von Kos // Chiron. 28, 101–142.
- Hammond N.G.L., Walbank F.W.* 1988: A History of Macedonia. Oxf.
- Hannestad L.* 1996: «This Contributes in No Small Way to One's Reputation»: The Bithynian Kings and Greek Culture // Aspects of Hellenistic Kingship (Studies in Hellenistic Civilization, V) / P. Bilde, T. Engberg-Pedersen, L. Hannestad, J. Zahle, K. Randsborg (eds.). Aarhus, 67–98.
- Herzog R., Klaffenbach G.* 1952: Asylieurkunden aus Kos. B.
- Hewsen R.H.* 1984: Introduction to Armenian Historical Geography III: The Boundaries of Orontid Armenia // REArm. 18, 347–366.
- Jouguet P.* 1937: L'impérialisme macédonien et l'hellénisation de l'Orient. P.

- Lücke S. 2000: Syngeneia. Epigraphisch–historische Studien zu einem Phänomen der antiken griechischen Diplomatie. Frankfurt am Main.
- Ma J. 1999: Antiochos III and the cities of Western Asia Minor. Oxf.
- Meyer E. 1931: Megara // RE. 15, 152–205.
- Mosley D.J. 1973: Envoys and Diplomacy in Ancient Greece. Wiesbaden.
- Mørkholm O. 1991: Early Hellenistic Coinage: from the accession of Alexander to the Peace of Apamea (336–188 B.C.). Cambr.
- Niese B. 1899: Geschichte der Griechischen und Makedonischen Staaten seit der Schlacht bei Chaeronea, II. Gotha.
- Paton W.R., Hicks E.L. 1891: The inscriptions of Cos. Oxf.
- Prinz F. 1974: Herakles // RE. 14, 137–196.
- Reger G. 1985 [1993]: The Date of the Battle of Kos // AJAH. 10, 155–177.
- Rigsby K.J. 1996: Asyilia. Territorial Inviolability in the Hellenistic World. Berkeley–Los Angeles–London.
- Rigsby K.J., Hallof K. 2001: Aus der Arbeit der «Inscriptiones Graecae» X. Decrees of Inviolability for Kos // Chiron. 31, 333–345.
- Rizzo F.P. 1973: La Sicilia e le potenze ellenistiche al tempo delle guerre puniche (Indagine storico-prosopografica). I rapporti con Cos, l'Egitto e l'Etolia. Palermo.
- Rober J. et L. 1953 // Bulletin Épigraphique, 155–158.
- Robertson N. 2002 [2003]: The Religious Criterion in Greek Ethnicity: The Dorians and the Festival Carneia // AJAH. 1, 5–74.
- Ruge W. 1934: Teos // RE. 9, 539–570.
- Ruge W. 1936: Nikomedeia // RE. 17, 468–492.
- Sachs A.J., Hunger H. 1989: Astronomical Diaries and Related Texts from Babylonia, II. Wien.
- Seyrig H. 1963: Monnaies hellénistiques, I. Royaume du Bosphore Cimmérien // Revue de numismatique. V, 7–64.
- Schneiderwirth H. 1885: Das Pontische Heraklea. Heiligenstadt.
- Sherwin-White S.M. 1978: Ancient Cos: An Historical Study from the Dorian Settlement to the Imperial Period. Göttingen.
- Tarn W.W. 1969: Antigonas Gonatas. Oxf.
- Toumanoff C. 1963: Studies in Christian Caucasian History. Washington.
- Vinogradov Ju.G. 1999: Der Staatsbesuch von «Isis» nach dem Bosphoros // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Leiden. 5, 271–302.
- Welles C.B. 1953: Rev.: R. Herzog, G. Klaffenbach Asylierkunden aus Kos. Berlin, 1952 // Gnomon. 25 (6), 396–399.

A NEW RESCRIPT OF ZIAELAS OF BITHYNIA

A.S. Balakhvantsev

The article analyzes a copy of a royal rescript (SEG XII. 370 = Rigsby 12 = IG XII. 4. 213) found on Cos. The author of the rescript grants *asyilia* to the festivities dedicated to Asclepius. Comparing the data of the inscription with the materials from the archive of the temple of Asclepius, the author comes to the conclusion that the rescript was issued by Ziaelas and sheds new light on some details of the first half of Ziaelas rule (255–242 BC).